

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет

ПИТИРИМ СОРОКИН

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ БЕДСТВИЙ

Влияние войны, революции, голода, эпидемии
на интеллект и поведение человека,
социальную организацию
и культурную жизнь

Перевод с английского В. В. Сапова

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "МІРЪ"

Санкт-Петербург
2012

«ЧЕТЫРЕ МОНСТРА» ПИТИРИМА СОРОКИНА

Книга П. А. Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий»¹ на первый взгляд занимает довольно скромное место в творческом наследии ученого. Сорокин известен, прежде всего, как автор таких фундаментальных трудов, как «Система социологии», «Социальная мобильность», «Социальная и культурная динамика», «Пути и могущество любви». В тени этих великих творений небольшая по объему монография, вышедшая в свет в самый разгар Второй мировой войны, как будто бы затерялась и привлекает к себе гораздо меньше внимания как со стороны исследователей, так и со стороны читателей, чем вышеназванные труды Сорокина. Ее мало цитируют, мало читают, в библиографических перечнях основных трудов социолога она даже не всегда и присутствует.

Между тем такое отношение к «Человеку и обществу в условиях бедствий» является досадным недоразумением. Книга во многом носит итоговый характер, поскольку содержит в себе резюме почти 25-летних исследований и размышлений автора о социальных катастрофах («четыре монстра», по образному выражению П. А. Сорокина), современником и очевидцем которых ему довелось быть. Эти «четыре монстра» суть войны, революции, голод и эпидемии. О голоде и революции Сорокин написал специальные монографии², войнам посвящена значительная часть третьего тома «Социальной и культурной динамики», пожалуй, только эпидемии остались, так сказать, бесхозными, но и это отнюдь не случайно: эпидемии по большей части являются вечными спутниками трех остальных «монстров» и самостоятельной роли в современном мире, наверное, уже не играют. Не случайно Сорокин, когда речь заходит об эпидемиях, ссылается по большей части на исторические хроники и даже на литературные произведения: «Декамерон» Боккаччо, «Дневник чумного города» Дефо и т. д. Трудно, действительно, предположить, что в наше время может разразиться,

¹ Sorokin P. Man and Society in Calamity. New York, 1968 (первое издание — 1942).

² См.: Сорокин П. А. Голод как фактор. М., 2003; Sorokin P. Sociology of Revolution.

как в XIV в., «черная смерть», почти вдвое сократившая численность европейского населения. Впрочем, здесь следует сделать одну существенную оговорку. В современном глобализирующемся мире с его интенсивной «горизонтальной мобильностью» возможностей для распространения эпидемий как никогда много, и в этом отношении исследование П. А. Сорокина нуждается в дополнении и продолжении.

Книга, как уже отмечалось, была издана в 1942 г. Может показаться поэтому, что она написана специально на злобу дня: во всем мире полыхала война, голод и болезни тоже пожинали свою обильную жатву, главный труд Сорокина — «Социальная и культурная динамика» — был уже закончен и издан, — вот он и решил на досуге написать своеобразный социологический «мон-сен-жан»³, что отняло у него, если учесть все предыдущие его наработки, месяца два-три, максимум полгода.

Отчасти так оно, возможно, и было. Но есть еще одно немаловажное обстоятельство, которое, скорее всего, и побудило Питирима Сорокина сразу же по окончании «Динамики» взяться за тему «четырёх монстров» и посвятить ей специальную монографию. В «Социальной и культурной динамике» прослежена 25-вековая история поочередной смены трех суперсистем — идеациональной, идеалистической и чувственной — охвачены все или практически все стороны социальной жизни, и всюду выявлены многообразные связи между типом культуры и характером науки, искусства, системы социальных отношений, типом личности и т. д. И только подводя итоги «флуктуации войн» в истории европейского человечества, Сорокин вынужден был признать, что между типом культуры и войнами никакой связи вообще нет. Он пишет: «Наступит ли счастливый конец трагедии войны или она будет продолжаться в человеческой истории? Будет ли война усиливаться, ослабевать или поведет себя как-то иначе? Мой ответ на этот вопрос — „Не знаю“»⁴. Ответ, скажем прямо, для ученого нетипичный. Большинство коллег Питирима Сорокина собственное незнание постарались бы хоть как-то закамуфлировать. Но для него это было уже не первое признание такого рода. Во Введении к «Социологии революции», написанной в 1922–1923 гг., он писал: «Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра ее ураган не снесет и его дом? Ignoramus [не знаем]. Но зато мы можем знать что она *такое?*»⁵

Что же такое революция? Что такое война? В начале XXI в. ответы Сорокина нас вряд ли удивят. Но в первой половине прошлого века было немало людей, *веривших* в революцию, *идеализирующих* войну, *работавших* на войну, *делающих* революцию (в России было даже целое сословие «профессиональных революционеров» — профессиональных поджигателей, сказали бы мы сегодня)...

³ Байрон сравнивал свои поэмы с наполеоновскими битвами: «Моей Москвою станет „Дон Жуан“, а „Каин“ — это просто Мон-Сен-Жан».

⁴ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 652.

⁵ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 22.

По Питириму Сорокину, это — такие же «монстры», как голод и чума, которых можно идеализировать, только находясь на грани отчаяния или даже безумия («Итак, да здравствует чума!»).

Таким образом, поставить революцию и войну в один ряд с эпидемиями и голодом — это уже само по себе означает их развенчание. Что уже не мало. Но Сорокин на этом, конечно, не останавливается. Он пытался еще и выяснить причины войн и революций, что, несомненно, дало бы возможность человечеству избежать этих страшных явлений в будущем. Но как только речь заходит о причинах войн и революций, тотчас же обнаруживается, что сходство между ними, заключающееся в том, что оба эти явления суть вооруженные конфликты, на этом и заканчивается. Причины революций и войн лежат в разных плоскостях социального бытия, которые хотя и пересекаются иной раз, но в целом и основном подчинены разным закономерностям. Причины революций (или шире — социальных волнений) Сорокин довольно четко сформулировал в своей книге «Социология революции», к которой мы и отошлем пытливого читателя. Что же касается причин войн, то здесь все оказалось гораздо сложнее. Каждая война имеет свою причину (или причины), но в чем причина всех войн вообще — на этот вопрос, как выяснилось, дать ответ с точки зрения социологии невозможно. Вот как описывают эту ситуацию современные исследователи. «Основная мысль Сорокина в отношении причин войн заключается в том, что их нельзя свести ни к отдельной причине, ни к отдельному их классу, чтобы объяснить большинство военных конфликтов на протяжении исследуемого им периода (с XII века по 1925 г. — В. С.). „Данные по войнам показывают что они случаются в периоды депрессии и процветания; в странах с высоким уровнем неграмотности и с высоким уровнем образования; в обществах аграрных и индустриальных; среди наций консервативных и либеральных; среди народов разных рас и национальностей; в международных ситуациях простых и сложных; в обществах с разнообразной религиозной структурой, плотностью населения и т. д. Ни один из этих, либо иных других факторов, взятых в отдельности, не может объяснить ни частоту распределения войн, ни их рост и спад во времени“⁶.

«Конкретные причины войн, с точки зрения Сорокина, относятся к такому классу явлений, который вряд ли имеет смысл исследовать в рамках социологии, по крайней мере, рассматривать их в рамках общепринятого деления на политические, экономические, демографические и другие факторы. <...>

Обосновывая свою позицию более детально, ученый видит в ее основе несводимое к нескольким прямым факторам разнообразие конкретных причин каждого военного конфликта. По аналогии, проводимой Сорокиным, это все равно, что пытаться обобщить летальный исход по категории всего человечества. Вне зависимости от бесконечного множества сочетаний причин, не меняется конечный итог.

⁶ Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. New York: Harper and Row, 1967. Vol. 3. P. 371.

В этом проявляется еще одна отличительная черта Сорокина как ученого — умение определять границы отдельных дисциплин, несмотря на то, что свой подход он позднее охарактеризует как интегральный, то есть несводимый к одной дисциплине.

В данном случае разбор причин военных конфликтов Сорокин оставляет историкам с их вниманием к каждому историческому событию и способностью „поставить конкретный диагноз“. Для социолога же попытка свести воедино все причины войн, с его точки зрения, так же бессмысленна, как и определение „средней температуры больных в отделении“⁷.

Тем не менее, социологический анализ войн, революций, голода и эпидемий позволил Сорокину высказать о них немало новых и оригинальных суждений. А две закономерности, которые он обнаруживает в ходе анализа «четырех монстров», можно было бы назвать «законами Питирима Сорокина», если бы он сам так старательно не избегал (применительно к социологии, разумеется) таких слов, как «закон», «закономерность», «эволюция», «развитие», «прогресс», всюду отдавая предпочтение совершенно нейтральному *change* — изменению. Был мир, началась война — произошло «изменение». Было «царское, доброе, мирное время», в феврале 1917 г. оно кончилось — тоже *change*. Было временное правительство, в октябре его свергли большевики — еще одно *change*. Почему все это произошло? На эту и похожие темы написаны целые вагоны книг, и все в них правильно, кроме одного: все в них неправильно. Ответить на вопрос «почему произошла революция в России», «почему разразилась Первая (или Вторая) мировая война» не так уж сложно, но вот ответить на вопросы, «почему вообще происходят войны», «почему вообще происходят революции» так же невозможно, как дать ответ на такой «детский вопрос», как вопрос пушкинского импровизатора: «Почто кружится лист в овраге?» Надо сразу же и честно признаться, что на «детские вопросы» возможны только «дурацкие ответы», ибо на самом деле это самые глубокие вопросы и самые правильные ответы. Итак: все революции, все войны, все преступления, все насилия, вся несправедливость — все это происходит потому, что люди сами хотят всего этого. К сожалению, отмечает Сорокин, «пока люди таковы, каковы они есть, катастрофы являются великими воспитателями человечества». Отсюда первая закономерность: закон поляризации. В любом социальном бедствии люди разделяются на «святых» и «грешников», на тех, кто бескорыстно и самоотверженно приносит себя в жертву, и тех, кто на этом бедствии наживается.

Другая закономерность: закон обратной селекции. Каждый из «монстров» убивает лучших, оставляя худших. Самый серьезный счет, который Сорокин предъявляет войнам и революциям, состоит в том, что они не просто уменьшают количество населения, но и ухудшают его качество, происходит напрасная

⁷ Кротов П. П., Долгов А. Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Сыктывкар; Вологда: Древности Севера, 2011. С. 38–39.

траты генофонда нации. То же самое можно сказать о голоде и об эпидемиях, хотя применительно к этим «монстрам» действие обратной селекции не так очевидно. На войне лучшие первыми бросаются в атаку, уходят добровольцами и гибнут — и это понятно. Но во время голода или чумы Смерть машет своей косою словно бы вслепую: при чем здесь лучшие или худшие? Сорокин отвечает на этот вопрос подробно. Во время чумы одни так боятся заразиться, что рвут все связи с самыми близкими людьми и бегут куда подальше, другие же самоотверженно, с риском для собственной жизни, помогают совершенно чужим для них людям. Шансов спастись у одних явно больше, чем у других. И так — везде и во всем.

Книга заканчивается «взглядом в будущее»: в 18 пунктах Сорокин подводит окончательные итоги и дает свои, наиболее эффективные, на его взгляд, рецепты борьбы с «монстрами». Мы не будем их здесь перечислять и анализировать по той простой причине, что еще через полтора десятка лет Сорокин откроет для себя самое лучшее средство этой борьбы — Любовь, понимаемая в самом широком смысле: от Эроса до обычной, «простой» солидарности. Этой теме Сорокин посвятит последние десять лет своей жизни, тесно связанные с основным им Гарвардским центром по изучению творческого альтруизма, но это уже другая история и другая книга...

В. В. Санов

MAN AND SOCIETY IN CALAMITY

The effects of war, revolution, famine
pestilence upon human mind,
behavior, social organization
and cultural life

by *Pitirim A. Sorokin*

Greenwood Press, Publishers
New York 1968

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ БЕДСТВИЙ

Влияние войны, революции, голода, эпидемии
на интеллект и поведение человека,
социальную организацию
и культурную жизнь

Питирим Сорокин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы живем и действуем в эпоху великих бедствий. Войны и революции, голод и эпидемии опять бесчинствуют на нашей планете. Опять они собирают свою кровавую дань со страдающего человечества. Опять они оказывают влияние на каждый момент нашего существования: на наши умственные способности и поведение, на нашу общественную жизнь и культурные процессы. Как падший демон, они отбрасывают свою тень на каждую нашу мысль, на каждое действие, которое мы совершаем.

В этой книге предпринята попытка описать воздействия, которые оказывают эти бедствия на процесс мышления, поведение, социальную организацию и культурную жизнь испытывающего их населения. Каким образом голод и эпидемия, война и революция изменяют наше мышление и поведение, нашу социальную и культурную жизнь? До какой степени они преуспевают в этом и когда и почему они оказываются менее эффективными? В чем причины этих бедствий и как можно с ними бороться?

В книге, посвященной преимущественно этим проблемам, предпринимается попытка дать не подробное описание всех уникальных воздействий того или иного бедствия, а рассмотреть типичные воздействия голода и эпидемии, войны и революции, которые постоянно сопровождают все крупные катастрофы такого рода. Говоря академическим языком, мы попытаемся здесь сформулировать основные закономерности, регулярно проявлявшиеся во время подобных бедствий.

Книга начинается с краткой характеристики влияния бедствий на элементарные умственные процессы и интеллектуальную деятельность в целом, затем идет анализ их типичных воздействий на человеческое поведение и процессы жизнедеятельности: смертность, рождаемость, заключение браков. Далее рассматривается то, как бедствия изменяют экономическую, политическую и социальную организации, как они влияют на социальную миграцию и мобильность, на этическую и религиозную, научную и художественную, философскую и идеологическую активность общества. В последней части речь идет о причинах бедствий и способах эффективной борьбы с ними. Заканчивается книга кратким анализом кризиса нашего века в свете полученных результатов.

От сравнительно простых проблем, о которых говорится в первых главах, исследование постепенно переходит ко все более сложным и значительным проблемам теоретического знания и практического поведения. В последних трех частях книги обобщения и выводы поднимаются на уровень самых общих индуктивных обобщений социальной науки, проливая значительный свет на фундаментальные изменения в области социальной структуры и мобильности, этики и религии, науки и изящных искусств. Здесь социология бедствий превращается в общую социологию, так же как и в индуктивную философию истории. Один из ее выводов состоит в том, что бедствия не являются исключительно злом: наряду с разрушительными и пагубными функциями они играют и конструктивную положительную роль в истории культуры и творческой деятельности людей. Пока люди таковы, каковы они есть, катастрофы являются великими воспитателями человечества.

Библиография сведена к необходимому минимуму и помещена в конце книги.

Автор признателен Гарвардскому исследовательскому комитету в области социальных наук за финансовую помощь при издании этой книги и миссис Марджери Ноубл за перепечатку рукописи. Он пользуется возможностью выразить благодарность многим лицам и организациям, которые, находя в его предыдущих работах нечто ценное, великодушно поощряли его к дальнейшим исследованиям.

Гарвардский университет
Сентябрь, 1942

Питирим Сорокин

Часть первая

**ВЛИЯНИЕ БЕДСТВИЙ
НА НАШИ УМСТВЕННЫЕ
СПОСОБНОСТИ**

Глава первая

КАК ВЛИЯЮТ БЕДСТВИЯ НА НАШУ АФФЕКТИВНУЮ И ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Историческая судьба любого общества складывается так, что периоды его сравнительного благополучия и периоды бедствий постоянно сменяют друг друга. В какой-то определенный период общество наслаждается миром, порядком, процветанием и отсутствием явных катастроф. В другой период его жизнь омрачается бедствиями, которые по отдельности или все вместе обрушиваются на него и разрушают его прежнее благополучие. Рано или поздно эта катастрофическая фаза сменяется новым периодом процветания, который, в свою очередь, сменяется следующим периодом бедствия. И так это чередование происходит в течение всей истории изучаемого общества.

Относительная длительность каждого из этих отрезков исторического пути у разных обществ разная. То эпоха благоденствия длиннее катастрофической, то более длительной оказывается фаза бедствий. Исторический путь некоторых обществ состоит преимущественно из периодов процветания, прерываемых изредка некоторыми порциями страдания. Путь, которым идут другие общества, состоит главным образом из мрачных отрезков, и лишь изредка попадают на нем короткие участки «хороших тротуаров».

Из многочисленных и разнообразных бедствий, которые обрушиваются на род человеческий, четыре бедствия, вероятно, случаются чаще всего и являются самыми разрушительными и страшными и вместе с тем наиболее поучительными и значительными, а именно — война и революция, голод и эпидемия. Эти четыре монстра и являются предметом настоящего исследования в аспекте их воздействия на наши мысли и поведение, на нашу социальную

организацию и культурную жизнь. Поставив перед собой такую задачу, начнем с изучения их влияния на наши основные умственные процессы, а затем перейдем к их воздействиям на наше поведение, социальную организацию и культуру.

Прежде чем приступить к анализу того, как изменяются наши эмоции и аффекты под влиянием бедствий, мне хотелось бы обратить особое внимание на принцип *разнообразия и поляризации этих воздействий* на разные части населения. Принцип этот означает, что *воздействия данного бедствия на тех или иных индивидов, на те или иные группы рассматриваемого общества на самом деле неодинаковы, а зачастую и противоположны*, поскольку индивиды и группы отличаются друг от друга и в биологическом, и в социально-психологическом отношении. Так, например, человек, обладающий иммунитетом к данному заболеванию, естественно, переносит его иначе, чем тот, кто таким иммунитетом не обладает. Смелый и высоконравственный человек ведет себя на поле боя совсем иначе, чем тот, у кого смелости мало и не все в порядке с моралью. Один становится подобным хорошо закаленной стали — нравственным героем, — тогда как другой превращается в труса, истерика или преступника. Это разнообразие и поляризация воздействий одного и того же бедствия неизбежно следует еще и из того обстоятельства, что не все члены общества в одинаковой степени испытывают на себе опасности и лишения, которые оно с собой несет. Даже во время войны, как правило, только часть населения непосредственно подвергается смертельной опасности и испытывает серьезные лишения. Остальное население испытывает их в меньшей степени, а некоторые группы почти и вовсе их не ощущают. И во время вспышек массового голода не все страдают одинаково: одни умирают от голода, другие страдают от него меньше, а кое-кто питается довольно прилично и даже наживается на чужой трагедии.

Короче говоря, благодаря биологическим и социально-психологическим различиям и неравномерному воздействию того или иного бедствия, некоторые люди ведут себя как настоящие герои, а другие как преступники и негодяи; одни становятся людьми глубоко религиозными, другие — атеистами. Впоследствии мы более подробно рассмотрим этот *закон разнообразия и поляризации воздействий, оказываемых бедствием*. А пока займемся преимущественно теми воздействиями, которые бедствия, как правило, оказывают, если не встречают противодействия со стороны других социокультурных сил. Когда же они такое противодействие встречают, то их последствия зачастую сильно отличаются от тех, которые бывают, если эти бедствия оказываются единственными факторами, определяющими человеческое поведение. В следующих двух главах мы опишем главным образом те воздействия, которые, как правило, оказывают бедствия. В последующих главах это односторонность будет скорректирована благодаря исследованию действительных воздействий бедствий

в сочетании со многими другими силами, которые определяют жизнь общества и его членов.

2. ИЗМЕНЕНИЕ В ЭМОЦИЯХ И ЧУВСТВАХ, ВЫЗЫВАЕМОЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ГОЛОДАНИЕМ

Необходимо проводить различие между *полным, физиологическим голодом*, когда количество и качество потребляемой пищи ниже физиологического минимума, необходимого для удовлетворения потребностей организма, и *частичным или относительным социально-психологическим голоданием*, связанным с нашими привычками принимать пищу определенного вида, в определенном количестве и в определенное время, с предпочтениями, которые мы отдаем более вкусным и аппетитным продуктам питания, с контрастом между богатой и скудной диетами, соответственно, у высших и низших классов, или с другими социально-психологическими условиями.

Хотя социально-психологическое голодание не означает физиологического пищевого дефицита, мы, однако, предпочитаем принимать пищу в обычное для нас время и чувствуем либо «голод», либо недовольство, если еда опаздывает или ее вкусовые качества неудовлетворительны. Если нас лишают продуктов более высокого качества, мы негодуем по поводу такого ухудшения и неудовлетворяющую нас пищу — когда это оказывается неизбежным — принимаем неохотно. Мы не только ищем пищу, когда испытываем физиологический голод, мы ищем изысканную пищу, предпочитая ее более простой еде. Этим обстоятельством не следовало бы пренебрегать, поскольку многие человеческие поступки и многие социальные процессы обусловлены не только физиологическим голодом, но и социально-психологическим голоданием. Если, например, биологический голод играет ощутимую роль в возникновении социальных конфликтов, то не менее важна и та роль, какую играет социально-психологическое голодание. То же самое справедливо и относительно многих других социальных явлений. Физиологический голод бывает или *абсолютным*, когда организм полностью лишен еды, или *относительным*, когда пищи не хватает в количественном отношении или она неудовлетворительна по своему качеству. Точно так же и социально-психологическое голодание имеет много разновидностей и градаций.

Теперь перейдем к рассмотрению воздействий голода на область наших чувств и эмоциональных переживаний. Если мы воздерживались от пищи до какого-то определенного часа или если мы видим, обоняем или пробуем на вкус какое-то особо изысканное блюдо, то мы испытываем приступ «аппетита». В чистом виде это скорее приятная, нежели мучительная эмоция¹, что подтверждается, кстати говоря, обычаем, принятым на континенте, желать другу другу «приятного аппетита». Сложные ощущения, которые охватываются этим

термином, весьма разнообразны и не тождественны друг другу и представляют собой целый ряд пассивно-активных эмоций, отличающихся одна от другой и в количественном, и в качественном отношении. В количественном аспекте мы испытываем разные степени аппетита, начиная с самого легкого и кончая наиболее сильным — «волчьим аппетитом». В качественном отношении аппетит на мясо весьма отличается от аппетита на сладости или фрукты. Возникновение аппетита в нашем внутреннем ощущении является первым радикальным изменением, порождаемым не столько физиологическим, сколько социально-психологическим голоданием. Его испытывают ежедневно все здоровые организмы, не страдающие от физиологического голода. Через несколько минут или же через час (зависит от человека) аппетит пропадает, даже если мы не принимали никакой пищи. Аппетит можно отбить видом червя или даже одним упоминанием о таких неаппетитных вещах, как черви или нечистоты. С началом физиологического голодания аппетит начинает появляться спорадически, пока наконец на более глубокой стадии голода не исчезает совсем. Основная физиологическая функция аппетита состоит в напоминании о том, что в обычное для нас время стоило бы «подзаправиться», чтобы избежать возможных осложнений².

Когда социально-психологическое голодание сменяется физиологическим, аппетит, как правило, пропадает и уступает место совсем иному ощущению — *голоду*. Если аппетит — это, скорее всего, приятное ощущение, то голод, безусловно, мучителен. Единственное сходство между ними состоит в желании есть. В то время как аппетит можно отбить любым неприятным внешним воздействием, голод такими воздействиями уничтожить нельзя, он нередко побуждает есть пищу просто тошнотворную — в исключительных случаях даже человеческое мясо.

Как и аппетит, голод не есть постоянная эмоция, возрастающая по мере усиления физиологического голодания. Это, скорее, явление смешанное. Если физиологическое голодание не является абсолютным, то чувство голода поочередно то возникает, то пропадает. Но если физиологическое голодание носит абсолютный характер, то буквально через несколько дней чувство голода исчезает и сменяется комплексом разнообразных отрицательных эмоций, чувств и ощущений. Помимо стремления к пище возникают, как правило, гнетущее чувство, утомление и слабость, ощущение пустоты и апатия, неспособность сосредоточиться на чем-то еще кроме еды, тошнота, раздражительность и т. п. Воображение разыгрывается, чтобы уже через мгновение погаснуть. Непостоянство, колебания, прыжки и толчки пронизывают аффекты и эмоциональные процессы жертвы, хотя ее преобладающее настроение — это депрессия и апатия³.

Следует отметить, что голодание в искусственных лабораторных условиях и голод в реальной жизни — две разные вещи. В лаборатории голодание испытывается с научными целями, под наблюдением врачей, без малейшей опасности для жизни, без чрезмерного напряжения. Это нечто совершенно отличное

от вынужденного голодания в реальной жизни, которое неизбежно предполагает добывание пищи, равно как и серьезную опасность для здоровья и жизни, физическое и умственное напряжение. В лабораторных условиях такие люди, как Сукки или Марш, «голодали» в течение 30, 40 или даже 80 дней. В реальной жизни они давно бы уже умерли от абсолютного голода. В лаборатории испытуемые не ощущают никаких особо отрицательных чувств или эмоций, тогда как в реальной жизни голодание чрезвычайно мучительно. В последнем случае специфическое переживание голода исчезает через два-три дня абсолютного голодания; в реальной жизни оно то возникает, то пропадает, то снова возникает, сопровождаясь при этом другими мучительными ощущениями. В лабораторных условиях люди способны сохранять бодрое расположение духа, в реальной жизни это почти невозможно. Вот почему исследователь социальных последствий голода должен отдавать предпочтение явлениям реальной жизни, отличающимся от явлений в контролируемых условиях.

Несколько фактических самонаблюдений проиллюстрируют вышепредставленные характеристики эмоций, возникающих при голодании. «Я пуст», — отмечают некоторые психологи-экспериментаторы, голодавшие с научными целями⁴. С усилением физиологического голодания «растет неприятное ощущение увеличивающейся пустоты в желудке. Испытываешь такое чувство, точно все внутренние органы куда-то исчезли», — отмечает Э. Миккельсен, который во время своих арктических странствий испытывал голодание в течение двух с половиной месяцев⁵. Многие другие исследователи Арктики и лица, пережившие тяжелое испытание продолжительным и серьезным голоданием, свидетельствуют о такой же в точности пустоте, невесомости и сходных ощущениях. Апатия, быстро переходящая в раздражительность, опять-таки единодушно подтверждается большинством исследователей и наблюдателей, испытывавших настоящий голод. Миккельсен упоминает о том, что у него и его спутника «усиливалась апатия»⁶; К. Гамсун превосходно описывает смену апатии и внезапных вспышек раздражительности у своего автобиографического героя в романе «Голод». Его голодающий герой то апатичен, то добродушен, а то чрезвычайно раздражителен без какой бы то ни было видимой причины. Все его поведение характеризуется внезапными и резкими сменами настроения⁷. «Вялая и безнадежная апатия была главной характеристикой народных масс Средневековья в голодные годы», — утверждает историк⁸. К таким же выводам приходит большинство наблюдателей голода в России, Индии, Китае, Персии и Европе⁹.

Возрастание неосознанной раздражительности и злобы в массовом масштабе часто наблюдалось во времена массового голода. Рассказывая о голоде 1840 г. в России, Н.С. Лесков пишет: «В народе стало усиливаться мрачное озлобление: мужья ни за что ни про что били жен, старики обижали ребят и невесток, и все друг друга укоряли хлебом, и один на другого все призывали „пропасть“: „О, нет на вас пропасти!“»¹⁰. Во время голода 1918–1921 гг. в России «невроз

истощения у детей складывался из явлений подавленности с обидчивым настроением, со склонностью к плачу и к чрезмерной раздражительности. Многие дети впадали в состояние патологического аффекта, гнева, злобы, раздражительности»¹¹. Сходные черты обнаружили после длительного голодания и уцелевшие члены экипажа потерпевшей крушение «Медузы»^{11а}. Их психология была отмечена «раздражительностью и сумрачностью»¹².

Об апатии и безжизненности неоднократно упоминают Марш и его жена, которые исследовали голод на себе¹³.

Они, как и многие другие, свидетельствуют, кроме того, об ощущении слабости, порывистости, утомлении и особенно о подавленном настроении и внезапном приливе радости после обильной еды. «Замечательная вещь! — рассказывает Нансен о своей „тяжкой борьбе“ с голодом в Арктике. — Как бы ни шли дела скверно, но раз залез в мешок и готовишься есть, — все неприятности забываются. Человеческое существо обращается в счастливое животное, которое ест... и засыпает с куском во рту. О, блаженное легкомыслие!»¹⁴

Точно так же и Э. Миккельсен со своим спутником каждый раз испытывали чувство подавленности, когда претерпевали муки голода во время своих арктических странствий, и чрезмерно радовались всякий раз, как удавалось раздобыть пищу.

«В действительности, было довольно страшно смотреть на то, как мы радовались по поводу пищи. [Они нашли ее на складе.] Для собак это было сладким зрелищем, и мы сами не могли оторвать взгляда [от пищи], а как только нашли ее на складе, почувствовали себя вознагражденными за трудности последних долгих месяцев»¹⁵.

Подобные самонаблюдения неоднократно описывают и другие полярные исследователи, в том числе Р. Пири и Р. Скотт. Дни голодания оказывались периодами депрессии и для исследователей, и для их собак, чьи поджатые хвосты служили барометром их настроения. Дни хорошего питания были, *per contra*^{15а}, неизменно веселы. Как только они добирались до продуктового склада или им удавалось подстрелить медведя или мускусного быка, пессимизм улетучивался, звучали шутки, песни и смех, и сами они пребывали в мире и с собой и с окружающим миром. То же самое испытывали миллионы людей в Советской России во время голода 1918–1922 гг.

Впоследствии будут приведены и другие фактические иллюстрации. А пока все вышесказанное кратко характеризует те изменения в эмоциональной и аффективной жизни, которые испытывают голодающие. Между прочим, следовало бы добавить, что не все люди теряют контроль над своими эмоциями даже и в таких условиях. Некоторые, чтобы выжить на самой грани смерти, сохраняют трезвый рассудок и полностью контролируют свое поведение в течение того времени, когда они страдают от сильнейшего голода. Такие люди, как мы еще увидим, успешно сопротивляются умственному, нравственному и социаль-

ному разложению, вызванному голодом. Какие силы и факторы ответственны за такую полярность, будет выяснено в ходе дальнейшего исследования.

3. ИЗМЕНЕНИЕ В ЭМОЦИЯХ И ЧУВСТВАХ, ВЫЗЫВАЕМОЕ ЭПИДЕМИЯМИ

Нет нужды доказывать, что бубонная чума, тиф, лихорадка, оспа и другие серьезные заболевания изменяют ощущения, эмоции и чувства своих жертв. Общая характеристика изменения, вызываемого всеми этими болезнями, — это страдание, страх смерти, бред и чувство слабости, испытываемое жертвой. Помимо этой общей черты, каждая из этих основных эпидемий изменяет чувства, ощущения и эмоции своей жертвы своим особым манером. Для наших целей нет необходимости давать характеристику тех специфических изменений, которые производит каждая из указанных болезней. Достаточно сказать, что все значительные эпидемии изменяют эмоциональную и аффективную жизнь больного. Это изменение происходит не только из-за биологических особенностей самой болезни, но и благодаря большой перемене в социальных отношениях заболевшего, который внезапно обнаруживает себя изолированным почти от всех своих близких, часто даже от членов собственной семьи. Болезнь погружает жертву в состояние некоего социального вакуума. Сотни лиц, с которыми заболевший был связан узами дружбы и привязанности, по работе и общими интересами, теперь стараются избегать его. Жертва оказывается в положении паука, паутина которого разорвана в клочья. Прежний субъект — или активный участник социальной жизни — превращается в беспомощный объект, которого все покинули, избегают и отталкивают. Он перестает быть частью общества. В социальном отношении он уже умер, хотя биологически еще жив.

Независимо от биологических факторов, уже одно это социально-психологическое одиночество, эта социальная смерть достаточна, чтобы произвести глубочайшее изменение в аффективной и эмоциональной жизни того, кто стал жертвой эпидемии. Даже постепенная социально-психологическая изоляция настолько сильно изменяет умственную жизнь личности, что часто приводит к самоубийству. И действительно, социально-психологическая изоляция есть главная причина так называемого эгоистического самоубийства^{15b}. Еще более глубоко изменение, которое производит социально-психологическая изоляция, вызванная эпидемией. Она приходит неожиданно и изолирует жертву внезапно. Это производит радикальную революцию в умственной жизни больного.

Эпидемия воздействует на эмоциональную жизнь и всех тех, кто находится в контакте с больным. Их эмоциональный настрой тоже серьезно нарушается. Тревога, печаль, страх за больного и симпатия к нему, а также эгоистическая за-

бота о собственной безопасности, надежда и отчаяние, растущая депрессия сменяется вспышками жуткого радостного возбуждения, раздражительным и фаталистическим смирением, эмоциональным волнением и вялостью, безрассудным и бесшабашным отношением к жизни и повышенной религиозностью, — эти и подобные им волны эмоций прокатываются по обществу, опустошаемому эпидемией. Как и во время голода, эмоциональная жизнь общества становится неустойчивой, подверженной противоположным настроениям и резким изменениям. Эта неустойчивость и эти противоположные эмоциональные перемены являются, наверное, самыми важными характеристиками такого общества с социологической точки зрения.

4. РАССТРОЙСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВО ВРЕМЯ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

Здесь мы должны провести различие между всем населением и теми, кто непосредственно подвергается опасности смерти, ранения или других увечий. Солдаты на поле брани, революционеры и контрреволюционеры, у которых есть шанс столкнуться с карательным отрядом, угодить на гильотину или на виселицу и т. п., — вот кто непосредственно испытывает самую серьезную опасность. Отсюда *страх как* всепроникающее и преобладающее чувство в их психологии. Будучи одной из самых мучительных и сильных эмоций, страх глубоко изменяет эмоциональную жизнь этих групп и разрушает ее. Многие ему поддаются; другие противостоят ему под нажимом таких контрсил, как чувство долга, смелость, стыд, опасение получить пулю в спину. Но даже и они пребывают между молотом страха и наковальней контрсил. В результате даже у самых смелых людей наблюдается из ряда вон выходящая, высоконапряженная эмоциональность. Изучение записок, воспоминаний и других свидетельств тех, кто лично принимал участие в международной или гражданской войне или же сталкивался с угрозой расстрела во время революции, не оставляет никаких сомнений в том, что во всех этих ситуациях главную роль играло чувство страха.

Это четко установлено, например, К. Клаузевицем в его знаменитой книге «О войне»: «Бой порождает стихию опасности, в которой все виды военной деятельности пребывают как рыбы в воде, как птицы в воздухе <...> Непосредственным отражением опасности является стремление избежать ее, а при неисполнимости последнего — страх и ужас».

Только благодаря чрезвычайно мощным контрсилам можно как-то нейтрализовать страх. Великий русский генерал Скобелев, прославившийся не только своими победами, но и своим личным мужеством на поле брани, когда один друг спросил его, не боялся ли он быть убитым, ответил: «Нет людей, которые

не боялись бы смерти; а если тебе кто скажет, что не боится, — плюнь тому в глаза; он лжет. И я точно так же не меньше других боюсь смерти. Но есть люди, кои имеют достаточно силы воли этого не показывать, тогда как другие не могут удержаться и бегут перед страхом смерти. Я имею силу воли не показывать, что я боюсь; но зато внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отражается на сердце»¹⁶. Эти слова генерала Скобелева прекрасно передают то чудовищное напряжение и ту чрезмерную цену, какой расплачивается за него организм тех, кто не поддается страху перед лицом грозящей опасности.

«На самом деле солдаты всегда боятся», — заявляет Бессьер, проделавший с французской армией всю кампанию 1914–1918 гг.¹⁷ В этом с ним соглашается майор Ардан дю Пик в своей классической работе о психологии боя¹⁸. То же самое подчеркивают практически все активные участники войны 1914–1918 гг., чьи заметки и воспоминания опубликованы в замечательном собрании Ж. Нортон-Кру¹⁹. Но, наверное, самый глубокий анализ роли страха в бою сделан генералом Н. Головиным на основе собственного опыта и свидетельств непосредственных участников сражений. «Линия, разделяющая вас от неприятеля, — это линия смерти. К этой линии никто не любит подходить, а услужливый разум подыскивает тысячи удобных предлогов, чтобы избежать дальнейшего сближения»²⁰.

Наконец, это вполне согласуется с действительным поведением солдат во время многих сражений. Их раздирает стремление воевать и противоположное стремление избежать опасности. Если перед боем сильно первое стремление, то с началом сражения возникает все усиливающееся желание избежать опасности, что фактически означает стремление избежать сражения. Оказавшись в этой мучительной ситуации, многие солдаты становятся трусами. Нередко они кончают жизнь самоубийством; еще более часты случаи членовредительства и нанесения себе увечий; многие, наконец, пытаются избежать опасности, притворяясь убитыми во время атаки, прячась в любом попавшемся укрытии или используя любое другое средство, имеющееся в наличии. В битве при Ваграме^{20а} из 22 тысяч наполеоновских солдат только три тысячи дошли до позиции, которую им приказано было занять. Около семи тысяч были убиты или ранены, остальные 12 тысяч скрылись. Как? Залегли, притворившись мертвыми или ранеными, чтобы не идти вперед, как им приказывали. И это прославленные солдаты Наполеона! В других сражениях доля таких трусов (жертв страха) бывала еще больше²¹.

Факты подобного рода, вместе с другими свидетельствами, не оставляют никаких сомнений в том, что преобладающим чувством, охватывающим солдат действующей армии и революционеров в ситуации надвигающийся опасности, является страх. Кроме того, они показывают, насколько мучительным и хаотическим является то эмоциональное настроение, которое одновременно охватывает как трусливых, так и мужественных в такой ситуации и как резко меняется эмоциональная и аффективная сторона жизни под ударом войны и революции.

Однако резкое изменение эмоциональной жизни во время войны не ограничивается одним только чувством страха и противодействующими ему контрсилами. Появляется *масса других эмоций*, таких как *чувство жалости и сострадания* по отношению к убитым и раненым товарищам, *ярость и ненависть* к врагам, *экзальтированный восторг* в случае победы и *полное отчаяние* при поражении, *восхищение* героизмом и *презрение* к трусости, *негодование*, вызванное чьей-то низостью, *чувство удовлетворения* от сознания честно выполненного долга и *горькое сожаление* в случае неудачи. Эти и множество других чувств всегда пробуждаются на войне и во время революционной ситуации. И все они достигают высокой степени интенсивности, быстро приходят и быстро уходят, отражая эмоциональную жизнь в целом как в высшей степени бурную и нестабильную. Беспокойство еще более усиливается в результате воздействия великого множества мучительных условий, неотделимых от войны и революции, таких как отсутствие необходимого элементарного комфорта, грязь и нечистоты, вид гибели и разрушения, в том числе убитые и раненые, боль от ран и лишений, окружающая обстановка тюрьмы и концентрационных лагерей, переживания по поводу безопасности дорогих людей и т. д.

Гражданское население, которое, как правило, не подвергается столь же непосредственно грозящей опасности, находится в несколько ином положении, чем другие группы. Тем не менее война и революция порождают массу условий, которые глубоко затрагивают его эмоциональную и аффективную жизнь. Здесь страх тоже играет свою роль. «Война пробуждает в людях страх за свой народ, за местных жителей, за членов семьи. Основными источниками страха являются: 1) опасность подвергнуться нападению и несправедливости, 2) экономические изменения, 3) угроза разлуки с семьей, 4) угроза нехватки еды и лишения предметов роскоши и удовольствий»²².

В целом тревожные чувства и эмоции гражданского населения почти такие же, как те, которые охватывают людей, подвергающихся более непосредственной опасности: страх, тревога, жалость, угнетенное состояние, восторг в случае удачи, гнев, ненависть и родственные им чувства. Кроме того, материальные и прочие условия жизни этой более защищенной части населения тоже в чем-то сходны с теми, которые окружают группы менее защищенные. Разница состоит в том, что эмоции и условия жизни в какой-то степени менее экстремальны в первом случае, чем в последнем.

Резюме. Бедствия, о которых шла речь, вызывают внезапные, острые и глубокие изменения эмоциональной и аффективной жизни. Изменения, вызванные голодом и эпидемиями, войной и революцией, отличаются друг от друга, но, несмотря на это, все они являются причиной возрастания эмоциональной неустойчивости, все они вызывают большую эмоциональную напряженность, и наконец, они все вызывают болезненное или угнетенное чувство, вытесняя такие чувства, как радость и веселье.

Это не означает, что их испытывает все 100% населения. Наоборот, как мы вскоре убедимся, часть населения их почти не испытывает или же переживает их совсем иным образом.

Как и Скобелев, они могут бояться опасностей в бою, во время революции или чумы. Но вместо трусливого бегства они побеждают чувство страха и проявляют мужество; вместо того, чтобы пытаться спасти свою жизнь ценой жизни других людей, они приносят себя в жертву; вместо того, чтобы избегать опасности, они специально ищут ее; вместо того, чтобы ослабить контроль над своим эмоциями, они стараются не потерять хладнокровия и самообладания. Все эти противоположные по своей природе воздействия войны, революции и эпидемии на эмоциональную и аффективную жизнь всегда присутствуют в любом великом обществе и всегда отражаются на определенных его элементах.
